

Порфирий (Успенский), еп. Письма Преосвященного Порфирия (Успенского) к светлейшей княгине Елизавете Павловне Витгенштейн, урожденной Эйлер: [1855–1866 гг.] // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 10. С. 239–264 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Письма Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) къ Свѣтлѣйшей княгинѣ Елизаветѣ Павловнѣ Витгенштейнъ, урожденной Эйлеръ.

С.-П.-Б. 1857 г. 13 августа.

Отвѣчаю на два письма ваши, посланныя ко мнѣ изъ Вильбада 14 и 28 іюля.

Вы были больны и выздоровѣли. Болѣзнь ваша причинила мнѣ грусть, а выздоровленіе—радость. Но оба эти чувства растворялись молитвою о васъ. Ибо вы въ моей памяти и въ моемъ сердцѣ существуете предъ лицомъ Бога, Который есть союзъ всѣхъ душъ.

Не буду болѣе повторять вамъ, что мнѣ пріятно продолженіе вашей дружественной переписки со мною, дабы вы не улыбались... Дружба пріобрѣтается и скрѣпляется не словами, а дѣлами, или по крайней мѣрѣ обнаруженіемъ возвышеннаго образа мыслей, благороднаго и сильнаго характера, душевной чистоты, безкорыстной преданности, и полного сочувствія *со вторымъ Я* во время скорбей и радостей его. Были бы въ комъ эти достоинства: ихъ оцѣнить и къ сердцу приметъ всякій. Ибо никто,—какъ справедливо вы говорите,—не врагъ самъ себѣ и не откажется отъ хорошаго.

Сочиненія мои для библіотеки Ея Высочества, для васъ и для Эдитты переплетены красиво, и на дняхъ будутъ переданы Г. Беркгольцу.

По разумному желанію вашему на всѣхъ будущихъ письмахъ своихъ съ Востока я буду ставить номера. Заданное мнѣ вами послушаніе это будетъ исполнено. Вѣрно замѣчаніе Тома Кемпійскаго: *notre amour propre et l'illusion que nous avons sur nos coeurs comme sur nos actions, nous font déplacer imperceptiblement la ligne de démarcation, en baptisant de grâce*

ce qui souvent n'est que nature ¹⁾). Но вѣрнѣе откровение Божіе, возвѣщенное устами небожественнаго Павла о дарованіяхъ духовныхъ. Читайте 12, 13, 14 главы посланія сего Апостола къ Коринѣянамъ. Тутъ исчислены всѣ дарованія Духа Святаго. Онѣ прививаются къ естественнымъ способностямъ душъ нашихъ. Но какъ отличить тѣ и другія? Какъ узнать напр.: что мудрость душевная возвышена на степень мудрости благодатной? Вотъ задача! Вотъ глубина богословія! Безъ познанія сей христіанской тайны и безъ обладанія ею мы, богословы, пустословы, а вы, міряне, *миціе* христіане. Мнѣ представляются два способа провести разграничительную линію между дарованіями благодатными и естественными. Пусть составятъ новый вселенскій соборъ лица, исполненныя Духа Святаго, и на этомъ соборѣ пусть опредѣляютъ союзъ благодати и души. Вотъ первый способъ! Но, къ глубочайшему прискорбію, онъ не осуществимъ въ наше время, когда политическія сходки признаются необходимыми для направленія грязныхъ дѣлъ и грязнѣйшихъ страстей народныхъ, а о церковныхъ соборахъ едва ли кто и помышляетъ. Чтожъ остается дѣлать? Остается изучать творенія св. Отцевъ и житія благодатствованныхъ мужей и женъ, и въ ихъ поученіяхъ и дѣлахъ отыскивать проявленія благодати. Вотъ второй способъ! Онъ—многосложенъ, труденъ, сбивчивъ; но всетаки наведетъ на истину, или по крайн. мѣрѣ приблизитъ къ ней. Я услаждаюсь выборомъ такого предмета для будущихъ занятій моихъ на св. Сіонѣ. Но освоюсь ли съ нимъ? Не испугаюсь ли пропасти, какая находится между высокими помыслами и исполненіемъ ихъ? Если не освоюсь и испугаюсь; то и не буду говорить вамъ о небесныхъ тайнахъ въ крещенной душѣ. Поищите другого учителя, который объяснилъ бы вамъ сіи тайны. А я за лучшее почту не разсуждать о дарахъ благодати, а просить одного изъ нихъ у Утѣшителя Духа Истины, или по крайн. мѣрѣ приближенія къ тому чудному предѣлу, гдѣ граничатъ благодать и стремленіе къ ней души. Хорошо жить и умереть и на границѣ Рая!!! Тутъ ангелы сжалются

¹⁾ Наше самолюбіе и иллюзія, которую мы питаемъ относительно своихъ сердецъ и своихъ дѣяній, заставляють насъ незамѣтно передвигать пограничную линію, считая благодатью то, что просто естественно.

надъ жаждавшею благодати душею, и введутъ ее въ какую нибудь обитель Отца Небеснаго.

14 августа 1857 г.

Продолжаю отвѣтъ свой на два недавнія письма ваши.

Вамъ пріятны были извѣщенія мои о начинающейся перемѣнѣ судьбы моеи. А мнѣ отрадно было узнать отъ васъ, что Вел. Кн. К. Н., недовольный выборомъ блаженныхъ нищихъ духомъ на служеніе въ Іерусалимѣ, гдѣ съ кротостію голубиною должна сочетаваться мудрость змѣиная, призналъ за нужное дополнить нищету духа избранныхъ туда лицъ моими дарованіями и опытностію. Кто сообщилъ вамъ эту вѣсточку: тотъ, по всей вѣроятности, зналъ дѣло не не основательно. Вотъ тому подтвержденіе! Гр. Толстой въ 9 день іюля говорилъ мнѣ, что Его Высочество желаетъ видѣть меня.

Однако, къ удивленію моему, до сихъ поръ не объявлены мнѣ ни приказъ, ни отказъ ѣхать въ св. градъ, хотя князь Горчаковъ въ сильныхъ выраженіяхъ требовалъ меня у Синода, и требовалъ давно. Медленность сего дѣла беспокоитъ, а таинственность его пугаетъ меня. Впрочемъ, самая то глубь души моеи не возмущаема, потомучто въ ней есть разумная преданность волѣ Божіей. Куда какъ хорошо жить въ Богѣ! Отъ Него душа заимствуетъ неизмѣняемость и довольство среди непрестаннаго волненія мнѣній и дѣлъ житейскихъ и среди огорченій, производимыхъ неудачами, и обманчивостію нашихъ расчетовъ и надеждъ.

И вы постоянно преданы волѣ Божіей и почти въ каждомъ письмѣ выражаете это *освящающее* васъ чувство. Это мнѣ нравится въ васъ.

А куда какъ не нравится, что цвѣтъ лица вашего еще желтъ! Умывайтесь небесною росою, натирайте лице снѣгомъ, льдомъ, пескомъ, вишневымъ сокомъ, или всѣмъ этимъ вмѣстѣ, дѣлайте, что придумаете, или что велятъ: только будьте здоровы и цвѣтите на радость мнѣ и многимъ.

Благословеніе Господне на васъ!

А. П.

Р. С. Епископъ Поликарпъ здѣсь. Онъ усиливается устранить меня отъ дѣла Божія, говоря, что *ему визирей не нужно*. Но если онъ не султакъ, то и я не визирь. Я священникъ Бога вышняго; и ни ему, и никому не позволю называть меня

иначе. Время покажетъ: пожертвуютъ ли дѣло капризу преосвященнаго старика.

Кланяюсь Эдиттѣ и радуюсь, что она здорова.

P. S. Митрополитъ отпускалъ на четыре дня въ Ораніенбаумъ ректора семинаріи А. Нектарія, который и служилъ тамъ въ вашей церкви. А меня такъ не отпускаетъ. Богъ съ нимъ!

Получили ли вы письмо мое отъ 27 Іюня?

С.-П.-Б. 1857 г. Сентября 7 дня.

Я кашляю. Но этотъ недугъ не препятствуетъ мнѣ писать къ вамъ, богодарованный другъ мой.

Молясь о васъ Богу, я утѣшаю себя мыслию, что вы по прежнему здоровы и цвѣтете, какъ лилія. Но когда пріосѣнить васъ наше родное небо? Доколь будетъ пусть вашъ теремъ, который я вижу иногда мимоѣздомъ и потаенно осѣняю крестнымъ знаменіемъ? Пора домой! Пора! Вѣдь, и дымъ отечества сладокъ и пріятень.

Поискали ли вы для меня литургію Виртембергскаго короля! Или, она только существуетъ въ моемъ воображеніи? Найдите ее, или посмѣйтесь надъ моимъ довѣріемъ къ поэту Мицкевичу, который, помнится, упомянулъ объ этой литургіи въ своемъ сочиненіи *Messianisme, ou l' église officielle*.

Если бы вы, или Эдитта достали мнѣ книгу Бунзена, *Hurrölitus und seine Zeit*; то оказали бы мнѣ большую услугу.

Будущность моя еще не обозначается. Я хотѣлъ—было приготовить ее оправданіемъ себя предъ начальствомъ, но отложилъ это дѣло по смиренію; и только вамъ, какъ другу, открываю истинную причину устраненія меня отъ дѣйствій нашихъ въ Іерусалимѣ.

„Въ августѣ мѣсяцѣ 1854 г. я случайно былъ у Горчакова въ Вѣнѣ, и по поводу тогдашняго посланія Константинопольскаго патріарха къ восточнымъ архіереямъ и христіанамъ, въ которомъ было выражено недоброе мнѣніе его о Россіи, говорилъ съ суровымъ княземъ о *нѣкоторыхъ* разноствяхъ между нашею и Греческою церковью, какъ то: о допущеніи у насъ присяги, и о совершенномъ запрещеніи оной у Грековъ, о бракосочетаніяхъ у насъ въ близкихъ степеняхъ родства, а у нихъ въ степеняхъ дальнихъ, о принятіи католиковъ и протестантовъ въ нашу церковь безъ

крещенія, и о черекрещиваніи этихъ разновѣрцевъ на Востокъ, о рукоположеніи молодыхъ семинаристовъ нашихъ въ священники и діаконы противно правилу св. вселенскаго собора, въ которомъ назначенъ 30 лѣтній возрастъ для іерея и 25 лѣтній для діакона, и которое строго соблюдается Греческою церковью. Рѣчь моя, къ сожалѣнію недоконченная, произвела въ слушатель моемъ сильное, но непріятное впечатлѣніе. Тогда онъ затаилъ его, а въ 30 день мая нынѣшняго года выразилъ мнѣ, сказавъ: „Батюшка! Я помню то, что вы говорили мнѣ въ Вѣнѣ. Вы полагаете, что посвященіе нашего духовенства—неправильно. А по моему мнѣнію, въ этомъ дѣлѣ важно не число лѣтъ посвящаемаго лица, а образованность его. Ваши убѣжденія вамъ принадлежатъ; но я не рѣшился избрать представителемъ нашей Церкви въ Іерусалимѣ такое лицо, которое не убѣждено въ правотѣ Ея“. Эта Русская, княжеская откровенность его обаяла меня. Я полюбилъ его и от избытка сердца отвѣчалъ ему: „Ваше Сіятельство! Я счастливъ и вмѣстѣ несчастенъ; счастливъ тѣмъ, что меня слушаютъ, и несчастенъ тѣмъ, что меня „никогда не дослушаютъ. У всѣхъ нѣтъ времени на то. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы высказать вамъ вполнѣ убѣжденія мои касательно предмета, о которомъ говорилъ. Я раздѣляю ваше мнѣніе о предпочтительности образованія духовныхъ лицъ той численности лѣтъ, какая для посвященія ихъ узаконена была въ свѣтлые вѣка христіанства. Несравненно лучше и полезнѣе имѣть молодыхъ, но ученыхъ и благонравныхъ священниковъ, нежели старыхъ, но полуграмотныхъ и недостойныхъ высокаго призванія ихъ: каковы у насъ были не очень давно, напр: въ царствованіе Екатерины II, когда клиръ пополняли мужиками и даже холопами. Крайняя нужда въ духовномъ свѣтѣ клира для нашего народа измѣнила законъ. Какъ это измѣненіе, такъ и другіе нѣкоторыя *оттѣнки* наши извѣстны восточнымъ іерархамъ. Но они не почитаютъ насъ схизматиками: напротивъ говорятъ, что Греческая церковь имѣетъ въ себѣ духъ Божій, и Русская церковь имѣетъ въ себѣ духъ Божій, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ первая дѣйствуетъ по строгости закона, а вторая по *схожденію*, или, какъ они выражаются, *экономически*. Такъ

„говорилъ мнѣ знаменитый богословъ ихъ Константинъ Экономидъ. Такъ писалъ онъ къ извѣстному Стурдзѣ по поводу обнаруженнаго Англійскимъ диакономъ Пальмеромъ разгласія нашего съ Греками о крещеніи иновѣрцевъ. Это письмо Экономида я имѣю. Вотъ какъ думаютъ о насъ восточные святители и богословы! Согласно съ ними думаю и я. Схиазмы между нашею и Греческою церковью нѣтъ! А разгласіе ихъ не въ вѣчныхъ и непреложныхъ догматахъ, а въ воззрѣніяхъ на нѣкоторые временные и видоизмѣняемые обычаи и учрежденія, примиряется тѣмъ животворнымъ началомъ (principe) православія, по которому позволительно и полезно дѣйствовать иногда по строгости закона, иногда по снисхожденію. И это начало выдуманно не мною, не Экономидомъ и не нынѣшними предстоятелями церкви восточныхъ: нѣтъ, оно в древне и выражено въ постановленіи одного вселенскаго Собора. По этому началу и сами Цареградскіе патріархи дозволяли православнымъ на Синаѣ и въ Индіи брачиться въ близкихъ степеняхъ родства, по уваженію малочисленности тамошнихъ общинъ“.—Таковъ былъ отвѣтъ мой неприготовленный! (Я передалъ его вамъ, ничего не прибавивъ, не убавивъ). Послѣ сего Князь поговорилъ о неспособности Поликарпа и пригласилъ меня къ служенію въ св. градѣ подъ начальствомъ его, обѣцая мнѣ преемство по немъ (какъ будто оно зависѣло отъ воли его), и выразилъ желаніе Императрицы видѣть меня до отъѣзда Ея за границу.

Казалось: дѣло мое было улажено. Но злой духъ опять разстроилъ его. Поликарпъ устраненъ. А на мѣсто его избранъ не я. Стало быть, Министръ упоренъ въ своемъ мнѣніи о мнѣ, или, я не любимъ гдѣ нибудь выше. Но, Боже мой, за что? Если о мнѣ сказано, какъ о сладчайшемъ Исусѣ, что я—ядца и винопитца и другъ грѣшникамъ и грѣшницамъ, то я принимаю на себя это безславіе, какъ мутную волну принимаетъ скала, на которой растутъ благовонные кипарисы. Но ежели въ самомъ дѣлѣ считаютъ меня нетвердымъ въ православіи и неспособнымъ представлять нашу церковь на Востокъ, потомучто я не убѣжденъ-де въ правотѣ ея; то ошибаются жестоко. Я родился, выросъ, возмужалъ, состарѣлся, и умру подъ сѣнью алтаря Русскаго. Любовь моя къ отечеству и царю пламенна. Союзъ мой съ родимую Цер-

ковью нерушимъ. Убѣжденія мои въ правотѣ ея уяснены болѣе, нежели въ комъ либо. Когда я говорю духовнымъ и мірянамъ о разностяхъ между нашею и Греческою церковію, тогда одни изъ нихъ молчатъ, не умѣя разсуждать объ этомъ предметѣ, а другіе *фактически* укоряютъ Грековъ въ отступленіи отъ Православія. Лишь я одинъ знаю примирительное начало, подѣ которое коль скоро подведутся эти разности, тотчасъ теряютъ свою силу, (объ этомъ началъ говорено вамъ выше); и несмотря на то, меня одного мучатъ, какъ нѣкоего невѣрнаго.—Ахъ! Зачѣмъ мнѣ суждено имѣть большую извѣстность? Лодочки спокойно стоятъ въ пристани: а боевой корабль среди океана обуреваются грозными волнами... Тростинки растутъ роскошно на сырой землѣ: а кедръ на высотѣ каменистаго Ливана, разщепывается молніею. О, недруги мои! Дайте мнѣ безвѣстность. Дайте мнѣ покой. Я васъ прощаю и люблю.

Въ послѣдній разъ пишу къ вамъ, другъ мой, о тревогахъ моихъ, присовокушивъ и то, что даже и милостивое вниманіе ко мнѣ Великой Сестры милосердія поставлено мнѣ на видѣ однимъ архіепископомъ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: *„не надѣйтесь на сильныхъ земли“*. Это замѣчаніе разстроило меня. Когда я выслушалъ его: у меня потемнѣло въ глазахъ. Вы постигнете это внезапное потрясеніе всего существа моего, зная мою *безкорыстнѣйшую* преданность Великой Княгинѣ, и Ея *христіанское* милосердіе, по которому она принимала меня подѣ кровь свой.

Повторяю, что въ послѣдній разъ вы слышите отъ меня тревожное слово. Оно не нравится мнѣ самому. Такое лицо, какъ я, должно быть эхомъ Бога, а не міра.

Въ слѣдующемъ письмѣ подѣлюсь съ вами воззрѣніями своими на современную идею перенесенія папскаго престола въ Іерусалимъ.

Простите и не забывайте душевно преданнаго вамъ

А. П.

20 Февраля 1858 г.

Другъ мой!

Бога ради не подумайте, что на душѣ моей тѣнью легла неустойчивость Маріи Фредериксъ въ своемъ словѣ. Я очень хорошо понимаю, что воля Ея подчинена волѣ такой Особы, которой самыя желанія должны быть предупреждаемы, и

извиняю ее вполне. Даже мнѣ пріятно, что она встрѣчаетъ нечаянныя препятствія къ тому, чтобы видѣть человѣка, уважавшаго мать ея. Почему же пріятно?—потому что безъ этихъ препятствій я видѣлъ бы Васъ рѣдко. Неволя Маши—мое счастье! Она служитъ поводомъ къ частой и никѣмъ не стѣсняемой бесѣдѣ моей съ Вами, послѣ которой я бываю какъ-то спокойнѣе, почерпнувъ полное утѣшеніе въ томъ искреннемъ участіи, которое Вы принимаете во мнѣ, злополучномъ.

Вчера Вы вспомнили о Г-жѣ Ширманъ. Побывайте у ней. Она дорожитъ Вашими посѣщеніями. Это я знаю, и не скрываю отъ Васъ и того, что ей хочется имѣть портретъ Великой Сестры милосердія. Потѣшите ее этимъ подаркомъ.

Меня тревожитъ печальное воспоминаніе о давнемъ, весьма давнемъ *видѣніи*, которое начинаетъ сбываться. Въ 1829 г. (da war ich ein freyes Wald-Vögelein)¹⁾ мнѣ открыто было чрезъ сновидѣніе, что я долженъ погибнуть отъ нашего Царственного семейства. Какъ теперь помню: тогда пять звѣздъ ярко сіяли вокругъ головы моей; потомъ Александра отрѣзала ее серпомъ и трупъ мой столкнула съ моста въ Черную рѣчку, протекающую подлѣ Лавры. Ужасно! А сонъ въ руку!

Неумолимая судьба уже приблизила меня къ Великимъ. Александръ, Марія, Елена, Константинъ и Марія—вотъ пять яркихъ звѣздъ. А потомъ?

Потомъ я дико буду пѣть:

Meine Mutter kochte mich,
 Mein Vater ass mich,
 Meine Schwesterchen unter Tische lass
 Und meine Knöchelchen all' all' autlas²⁾.

Изорвите это письмо. А на христіанскую твердость души моей надѣйтесь.

Душевно преданный

Вамъ А. П.

Р. S. Маша Фредериксъ пусть ни слова не говоритъ о мнѣ Александрѣ. Я боюсь ее. Она столкнетъ меня въ Черную рѣчку; и на душѣ Вашей останется грѣхъ.

¹⁾ Тогда я былъ веселой птичкой лѣсной.

²⁾ Мать моя меня варила,
 Мой отецъ меня ѣлъ,
 Моя сестричка сидѣла подь столомъ
 И считала всѣ всѣ мои косточки.

Каря на Аѳонѣ.

18 Окт. 1858 г. ¹⁾.

.....

 могу всматриваться въ этотъ просторъ, и не видя будущаго, даю другой оборотъ бесѣдъ моей съ Вами.

По долгу дружбы увѣдомляю Васъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Пока мнѣ хорошо здѣсь. Здоровье мое надежно. Меня грѣютъ два солнца видимое и невидимое. Всѣ силы души моей настроены ладно. Скуки я не знаю, враговъ простилъ, друзей люблю, на людей не надѣюсь, на Бога уповаю и молюсь Ему пламенно, а дѣломъ своимъ занимаюсь усердно: изучаю рѣзбу, ваеніе, зодчество, иконописаніе и церковное пѣніе, а болѣе читаю старинныя книги, писанныя на кожахъ. Изъ нихъ узналъ я, что наука о церковномъ пѣніи у Грековъ основана была на Психологіи. Они угадали соотвѣтствіе тоновъ главнымъ способностямъ души, и сочиняли Херувимскія, Причастныя, Славы святымъ и напѣвы Псалтыри такъ, что одними тонами плѣняли вниманіе ума, другими возбуждали чувствительность и иными увлекали волю къ горнему, Божественному. Этимъ тремъ способностямъ, въ каждомъ пѣснопѣніи ихъ, соотвѣтствовали три строя, или три мотива съ искусными переходами отъ одного къ другому, дабы въ молящихся и слушающихъ пѣніе хора сохранялось гармоническое настроеніе всѣхъ силъ духа, и дабы они не выходили изъ церкви, наприимѣръ, съ одною возбужденною чувственностью безъ увлеченія ума и воли. Мы забыли эту тайну музыки. А ова извѣстна была нашимъ предкамъ. Исторія нашей церкви свидѣтельствуетъ, что во время оное Греческіе пѣвцы изъ Цареграда принесли въ Россію *ангелоподобное трисоставное пѣніе*, т. е. состоявшее изъ трехъ интонацій, въ соотвѣтствіе тремъ главнымъ способностямъ души. Мнѣ кажется, что не очень трудно возобновить это пѣніе. Надобно только распознать: какіе звуки, въ связи съ извѣстными силами чаруютъ умъ, какіе усиливаютъ чувственность и какіе устремляютъ лѣнливую волю къ благодѣланію.—Изученіемъ теоріи Греческаго пѣнія я занимаюсь

1) Начало письма утрачено.

случайно, когда подь руки попадаютъ цѣвческія книги. Постоянно же, прилежно и усердно сличаю нынѣшніе, печатные тексты Ветхаго и Новаго Заѣта съ древними рукописными. При сличеніи ихъ оказывается, что мы, православные, нынѣ читаемъ въ храмахъ Божіихъ тоже самое священное писаніе, какое читалось въ 10, 6, 4 вѣкѣ, и что ветхозавѣтный текстъ его, употребляемый въ Греческой и нашей Церкви, тщательно былъ пересмотрѣнъ и свѣренъ съ Еврейскимъ подлинникомъ въ концѣ третьяго вѣка христіанскаго св. Лукіаномъ, пресвитеромъ Антиохійской церкви, подвижникомъ и мученикомъ, и единодушно принять былъ всѣми христіанами въ царствованіе Константина Великаго. Лукіановъ текстъ я сличалъ съ Ватиканскимъ. Разница между ними велика. Напримѣръ: мы съ Лукіаномъ читаемъ въ книгѣ пророка Исаи (глава 9, ст. 6): „Отроча родися намъ, Сынъ, и дадеся намъ, его же начальство бысть на рамѣ его, и нарицается имя его, велика совѣта Ангель, Богъ крепкій, князь міра, Отець будущаго вѣка. Въ Ватиканскомъ же кодексѣ нѣтъ подчеркнутыхъ словъ;—нѣтъ этихъ брилліантовъ изъ Рая.—Надѣюсь, что вы примете и усвоите убѣжденіе мое въ неизмѣнности священнаго текста, употребляемаго Восточною Церковью, и заключаю свою бесѣду съ Вами сердечнымъ привѣтомъ:

Благословеніе Господне на Васъ!

Цвѣтите на радость мнѣ и многимъ.

А. Порфирій.

Р. S. Жива ли Анна Θεодоровна Тютчева? Богъ да укрѣпитъ ее! А Машѣ Фредериксъ скажите, что я вспоминаю ее, разсматривая святыхъ иконы, и жалѣю, что ей нельзя быть на Аѳонѣ, гдѣ она узнала бы, какъ надобно кистью изображать вѣчныя истины и красоты божественныя.

1858 г. 29 Декабрь.

Иверск. монаст. на Аѳонѣ.

Друже!

Ваше письмо, отъ 10 Ноября, получено мною 21 Декабря. Оно успокоило меня совершенно. Теперь я подобенъ пустынному цвѣтку, освѣженному медовою росою.

Вы увѣдомили меня, что В. К. продолжаетъ интересоваться моею судьбою. Спаси ее Богъ! А я когда разгараюсь въ часъ молитвенный, прошу Господа исцѣлить недугъ Ея и прибавитъ

вить Ей вѣку, дабы она долго, долго, была утѣхою страждущихъ.

Собранныя Вами и переданныя мнѣ мысли разныхъ писателей—назидательны. Продолжайте дарить меня ими. Я люблю эти зарницы и молніи души. Но да будетъ Вамъ извѣстно, что я не былъ на Сионѣ въ день Пятидесятницы, и не понимаю Англійскаго языка.

Вы говорите, что менѣе и менѣе вѣрите въ такъ называемое супружеское счастье, и что если бы оно пришло, *la surprise en ferait grande*. А я болѣе и болѣе предчувствую, что Вы скоро будете матеръ. Въ прошломъ мѣсяцѣ Юль уже видѣнъ былъ мною во снѣ будущій сынокъ Вашъ. Вы держали его на одномъ колѣнѣ, сидя подъ развѣсистымъ деревомъ.

30 Декабря.

Помнится: я никогда не журилъ Васъ. Позвольте же мнѣ хоть теперь сурово посмотрѣть Вамъ въ лице и сказать вотъ что: когда солнце уходитъ свѣтитъ Антиподамъ, тогда намъ оставляетъ прощальные лучи свои, кои мы называемъ вечернею зарею. А Вы, мое солнышко, закатились, не зная куда, оставили меня въ потьмахъ; и я заблудился въ своихъ думмахъ о Васъ, какъ въ дремучемъ лѣсу, и усталъ кричать, *siamo vivi, siamo morti*? Но наконецъ Вы откликнулись мнѣ. Спасибо.

Продолжайте и впередъ почаще бесѣдовать со мною письменно, подумавъ: авось, долетятъ до него мои птичьи-мысли.

Кстати скажу Вамъ, что значить, авось. Это таинственное слово выражаетъ нашу надежду на провидѣніе Божіе, которое есть какъ бы ось этого чувства, непрерывно стремящаго насъ вдаль.

Богъ есть живая Ось, которая движетъ всѣхъ и все. А наше авось есть живое сознаніе этой Оси. Въ дальнѣйшемъ смыслѣ оно есть ось надежды.

31 Декабря.

Оканчивается послѣдній часъ прошедшаго года, моего и Вашего.

Я вижу Васъ, но молчу, и молча молюсь:

Боже! благослови ее! Она—Твой образъ и Твое подобіе.

А. П.

1859 г. 1 Января Пвирь.

Друже!

Въ первый день новаго года желаю Вамъ добраго здоровья и благополучія и дарю Вамъ два отрывка изъ двухъ бесѣдъ святѣйшаго патріарха Фотія, кои онъ говорилъ по случаю нашествія Россовъ въ Константинополь подъ предводительствомъ Олега. Это было во второй половинѣ 9 вѣка христіанскаго, почти за 1000 лѣтъ до нашего времени.

Начало первой бесѣды.

„Что сіе? Что за-язва столь ужасная? Что за-гнѣвъ столь тяжкій? Откуда упаль на насъ этотъ страшный и сѣверный перунъ? Какъ воспламенили мы эту зіяющую молнію? Откуда хлынуло это взволнованное, грозное море, не колосы пшеницы исторгающее, не лозы виноградныя искореняющее, а весь родъ нашъ губящее жалостно? За что излито на насъ столько бѣдствій? Ужели за грѣхи наши? Увы! За грѣхи поражаетъ насъ мечъ обоюдоострый... Мы многократно были избавляемы отъ бѣдъ, но не благодарили, были спасаемы, но паки нерадѣли, хранимы, но не любили Хранившаго, утѣшаемы, но не утѣшали скорбящихъ; были въ славѣ, и не почитали другихъ; были могущественны и многихъ обижали, презирали, а сами упитались, потолстѣли, разширились, и если, подобно древнему Іакову, *не отпустили отъ себя Бога*, то подобно возлюбленному Соломону преступили заповѣди Его. За это Богъ отверзъ свой тапникъ, и вынесъ сосуды гнѣва своего. За это съ сѣвера устремилъ народъ сей съ тѣмъ, чтобы дойти до второго Іерусалима (Цареграда). За это онъ подвигнуть съ конца земли, и несетъ съ собою стрѣлы и щиты. Онъ грозенъ, и не милуетъ. Гласъ его, какъ шумъ кипящаго моря. Мы слышали крикъ его; увидѣли грозный ликъ его; и—разслабѣли руки наши. Скорбь и болѣзни объяли насъ, какъ родильницу. — Не выходите за городъ, и не отправляйтесь въ путь. Тамъ вездѣ мечи!“

Во второй бесѣдѣ витія описываетъ Россовъ.

„Такимъ образомъ, мы сдѣлались игралищемъ варварскаго племени. Ибо гдѣ Божій гнѣвъ, тамъ и пожива; и кого кому Онъ предастъ, отъ того тому и добыча въ руки. Аще и Господь сохранитъ градъ, всеу труждаются стрегущіи. Народъ

неславный, народъ безчисленный, народъ состоящій изъ рабовъ (!!!), неизвѣстный и *принявшій названіе отъ нашей военной дружины*, не имѣвшій вѣса, и ставшій полновѣснымъ, нѣкогда уничиженный и бѣднѣйшій, а теперь превознесенный и богатый, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ обитавшій, варварскій, переходящій съ мѣста на мѣсто, *гордый оружіемъ*, никѣмъ незащищаемый, *никому неподсудимый*, безъ военной тактики, грозно, быстро, въ мгновеніе ока, словно морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши; и, о горе! нѣтъ отъ него пощады, ни человѣку, ни скоту, ни старцамъ, ни младенцамъ“ и проч.

По этимъ отрывкамъ судите о важности для насъ цѣлыхъ бесѣдъ патріарха Фотія, и о силѣ краснорѣчія его. Я напечатаю эти бесѣды съ русскимъ переводомъ. Появленіе ихъ въ свѣтъ предъ началомъ второго тысячелѣтія нашего Государства будетъ очень кстати. Но не удивительно ли то, что мы ихъ открыли такъ поздно? Наша Академія Наукъ искала ихъ въ библиотекѣ Мадридской, потому что они значились въ каталогѣ ея, но не нашла. Мнѣ суждено было найти ихъ поближе, на Аѳонѣ; и я въ восторгѣ отъ этой находки!

Брань первобытныхъ Еллиновъ съ Троянами воспѣта была дивнымъ пѣвцомъ—Омиромъ (Homère). Бранное движеніе первобытныхъ Россовъ къ Цареграду извѣстствовано было просвѣщеннымъ проповѣдникомъ, Фотіемъ. Правду повѣдалъ лѣтописецъ нашъ, когда устами Гостомысла сказалъ, что земля наша обильна и богата, но порядка въ ней нѣтъ. То же сказалъ и Фотій. Правда и то, что Олегъ былъ у воротъ Константинополя; ибо дружины его видѣлъ Фотій, и говорилъ своимъ: не ходите за городъ: тамъ вездѣ мечи; тамъ стоятъ Россы; и они грозны! не милуютъ! Въ Цареградѣ первобытные предки наши получили *народное* названіе свое отъ тѣлохранительной дружины Греческихъ царей, прозываемой **Βαράγγοι—Рѣѣ**—Варяги-Россы. Тамъ крестилась ихъ Великая Княгиня, мудрая Ольга. Оттуда они заняли вѣру и вѣдѣніе. Тамъ начало ихъ славы. Не тамъ ли и верхъ могущества ихъ потомковъ, и исходная точка нашихъ будущихъ дѣяній всемірныхъ?

Не могу предсказывать будущее, и не довѣряю своей надеждѣ, какъ Моисей у купины не довѣрялъ своимъ силамъ.

Но если мы—перуны и молніи Вседержителя; то онъ еще разъ воспламенитъ насъ на берегахъ Босфора.

Россія—молніеносная туча! А я и Вы въ этой тучѣ—мы Божіи искры. Не погаснемъ же!

А. Порфирій.

Р. С. А свѣтятъ ли ближайшіе къ намъ искры, Эдитта, Маша—Фр. и Анна Т.—Скажите имъ, что во мнѣ не погасли свѣтлыя воспоминанія о нихъ.

Солунь. 1859 г. 20 Марта.

Друже!

Вы говорите, что живете не для себя, и что Вамъ даже некогда лелѣять свои думы, и спознаться съ эгоизмомъ... Благодарите же Бога за то, что Онъ далъ Вамъ много дѣла, и тѣмъ отнялъ у Васъ возможность кружиться въ вихрѣ, который многихъ уноситъ въ пучину золь. Ваша неволя есть великая милость Божія. Безъ чужаго дѣла и безъ горняго пріобученія къ самоотверженію вы бы могли сдѣлаться замѣчательною своевольницею. Богъ предвидѣлъ это, и любя въ Васъ свой образъ и своего Христа, съ которымъ Вы сочетались въ крещеніи, избралъ и посвятилъ Васъ на трудное служеніе многимъ ближнимъ вашимъ и самъ даетъ вамъ силы служить имъ до забвенія себя самой. Гдѣ же тутъ собственная заслуга? Нѣтъ ея, да и не надобно. Ибо мы тогда только бываемъ угодны Богу, когда Самъ Онъ дѣйствуетъ въ насъ и чрезъ насъ, и Самъ приноситъ насъ въ жертву ближнимъ. Заслугъ требуютъ люди, а Богу пріятны одни святые чувствованія наши, — служеніе и благоговѣніе предъ Нимъ, покорность волѣ Его, раскаяніе въ непослушаніи Ему и благодареніе Ему за все. Такъ я говорю, потомучто я не зараженъ ересью Пелагія, отрицавшаго Богоблагодатныя дѣйствія въ насъ и чрезъ насъ, и поставлявшаго спасеніе въ правильномъ употребленіи природныхъ силъ и въ самодѣльщинѣ, и потомучто самъ я—плѣнникъ Божій, слушаю, что Онъ говоритъ мнѣ, иду, куда Онъ ведетъ меня, служу, кому Онъ велитъ, дѣлаю, что Онъ предуказываетъ, а самъ только удивляюсь величію Его. славлю мудрость Его, боюсь осужденія Его, люблю благодать Его и подчиняюсь дѣйствіямъ Его, за исключеніемъ тѣхъ, увъ! нерѣдкихъ случаевъ, когда буйная волюшка, гордый разумъ и обманчивыя страсти, заключивъ союзъ между со-

Но если мы—перуны и молніи Вседержителя; то онъ еще разъ воспламенитъ насъ на берегахъ Босфора.

Россія—молніеносная туча! А я и Вы въ этой тучѣ—мы Божіи искры. Не погаснемъ же!

А. Порфирій.

Р. С. А свѣтятъ ли ближайшіе къ намъ искры, Эдитта, Маша—Фр. и Анна Т.—Скажите имъ, что во мнѣ не погасли свѣтлыя воспоминанія о нихъ.

Солунь. 1859 г. 20 Марта.

Друже!

Вы говорите, что живете не для себя, и что Вамъ даже некогда лелѣять свои думы, и спознаться съ эгоизмомъ... Благодарите же Бога за то, что Онъ далъ Вамъ много дѣла, и тѣмъ отнялъ у Васъ возможность кружиться въ вихрѣ, который многихъ уноситъ въ пучину золь. Ваша неволя есть великая милость Божія. Безъ чужаго дѣла и безъ горняго пріобученія къ самоотверженію вы бы могли сдѣлаться замѣчательною своевольницею. Богъ предвидѣлъ это, и любя въ Васъ свой образъ и своего Христа, съ которымъ Вы сочетались въ крещеніи, избралъ и посвятилъ Васъ на трудное служеніе многимъ ближнимъ вашимъ и самъ даетъ вамъ силы служить имъ до забвенія себя самой. Гдѣ же тутъ собственная заслуга? Нѣтъ ея, да и не надобно. Ибо мы тогда только бываемъ угодны Богу, когда Самъ Онъ дѣйствуетъ въ насъ и чрезъ насъ, и Самъ приноситъ насъ въ жертву ближнимъ. Заслугъ требуютъ люди, а Богу пріятны одни святые чувствованія наши, — служеніе и благоговѣніе предъ Нимъ, покорность волѣ Его, раскаяніе въ непослушаніи Ему и благодареніе Ему за все. Такъ я говорю, потому что я не зараженъ ересью Пелагія, отрицавшаго Богоблагодатныя дѣйствія въ насъ и чрезъ насъ, и поставлявшаго спасеніе въ правильномъ употребленіи природныя силъ и въ самодѣльщинѣ, и потому что самъ я—плѣнникъ Божій, слушаю, что Онъ говоритъ мнѣ, иду, куда Онъ ведетъ меня, служу, кому Онъ велитъ, дѣлаю, что Онъ предуказываетъ, а самъ только удивляюсь величію Его. славлю мудрость Его, боюсь осужденія Его, люблю благодать Его и подчиняюсь дѣйствіямъ Его, за исключеніемъ тѣхъ, увы! нерѣдкихъ случаевъ, когда буйная волюшка, гордый разумъ и обманчивыя страсти, заключивъ союзъ между со-

бою, отвлекають меня отъ Бога, и смежно съ тѣмъ царствіемъ, которое находится внутри насъ, представляютъ мнѣ свой фантастическій рай и побуждаютъ воздѣлывать и хранить его; но и тогда я скоро примѣчаю прелесть и обманъ самолюбія, нечистоту и ничтожество всякой самодѣльности, имѣющей печать гордости, или клеймо тщеславія, и вижу выростаніе волчцовъ и терній тамъ, гдѣ, казалось, посажены были мною розы и лиліи; примѣчаю и вижу это, и снова прибѣгаю къ Богу и охочусь быть послушнымъ орудіемъ Его воли и Его дѣйствій, дозволяя себѣ только любить и благодарить Его.

Другъ мой! Останемся въ плѣну у Бога.

У него хорошо.

21 Марта.

О Шотландцѣ Юмѣ, который всѣхъ васъ сводитъ съ ума, я думаю вотъ что. Онъ—не посредникъ между мірами, видимымъ и невидимымъ, и не живетъ среди духовъ злыхъ или добрыхъ; нѣтъ, онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ необыкновенный *выродокъ*, въ которомъ гораздо больше струй электромагнетизма, нежели сколько ихъ имѣетъ каждый правильно рожденный человѣкъ. Я не видалъ его, но угадываю, что у него нервы очень слабы отъ того, что истощены непрерывнымъ токомъ этихъ усиленныхъ струй. Слабость нервовъ и малая узловатость ихъ въ мозгу его — причиною тому, что онъ живетъ, какъ *двойникъ*, т. е. грезитъ, воображаетъ, обдумываетъ что-нибудь, и видитъ свои собственные грезы и образы, подслушиваетъ свои думы и разговариваетъ самъ съ собою, а ему и глупенькимъ зѣвакамъ кажется, что съ нимъ говорятъ люди, или духи. Подобное раздвоеніе бываетъ въ горькихъ пѣяницахъ и въ глупыхъ монахахъ, которые истощаютъ себя неумѣренными бдѣніями и пощеніями. Сквозь слабые нервы Юма проторгается излишекъ Теллурическаго тока электромагнитнаго, и сочетаваясь съ такимъ же токомъ въ тѣхъ любопытныхъ, которые видятъ въ немъ пророка, или потѣшника, производитъ сжатіе въ ихъ рукахъ, или щекотаніе, смотря по разности ихъ тѣлосложеній, и движетъ столъ. Ибо въ этомъ токѣ много силы. Онъ поднимаетъ насъ на вершины Олимпа, Синая, Аеона. Когда пузырьчки его лопаютъ въ воздухѣ, тогда бываетъ громъ. Еслибы этотъ токъ въ Юмѣ былъ еще сильнѣе, то можно было бы видѣть

вылетающую изъ него молнію, и слышать трескъ въ гостининой, гдѣ собраны зѣваки. Юмъ—электромагнитная машина грѣшно-любопытныхъ душъ!!!

Что касается до отвѣтовъ на вопросы посредствомъ чтенія азбуки и складыванія тѣхъ буквъ, кои отстукиваетъ Юмовъ столъ; то и эти Шотландскія затѣи не продѣлка духовъ и не великая тайна. Вотъ ея изъясненіе!—Душа человѣческая, одаренная разумомъ, волею и могуществомъ, имѣетъ прозрачную оболочку, въ родѣ сіянія (aureole), сотворенную ея изъ *нетлннмыхъ сущностей общей Жизни*, кои мы называемъ Эфиромъ, Электричествомъ, Магнетизмомъ, и посредствомъ этой *животрепещущей* въ нервахъ оболочки дѣйствуетъ на свое и на другія тѣла и души, и принимаетъ воздѣйствіе отъ нихъ. Чѣмъ болѣе она занята и напряжена любопытствомъ, гаданіемъ, вниманіемъ, созерцаніемъ, или страстностью; тѣмъ чувствительнѣе и воспримчивѣе становится оболочка ея, и тѣмъ сильнѣе бываетъ воздѣйствіе ея на другія сущности. Въ такомъ состояніи души всѣ внезапности, напр. барабанный бой, похороны, вѣстникъ съ пучкомъ цвѣтовъ, производятъ въ оболочкѣ ея дрожаніе, а въ ней самой непріятное, или пріятное чувство; а безъ внезапностей сама душа, находясь въ томъ же состояніи, *уравновѣшиваетъ и успокаиваетъ* соприкоснувшую ея въ нервахъ оболочку, какъ орелъ—свои крылья, дабы сосредоточиться въ себѣ самой для лучшаго связнаго произведенія мыслей, или *колеблетъ и волнуетъ* ее, когда хочетъ, или вызывается воздѣйствовать на подобныя ея души, или на вещественныя тѣла. Поэтому любопытство ея изощряетъ зорь, гнѣвъ напрягаетъ мышцы, гордость производитъ презрительную улыбку, любовь и страхъ разрѣшаютъ нѣмоту (я разумѣю нѣмого сына царя Креза, который началъ говорить, защищая жизнь своего отца): поэтому слово умное, красивое, мѣткое прекращаетъ мятежъ толпы, или устремляетъ полки на встрѣчу смерти и т. п. Такова сила души и животрепещущаго орудія ея! Послѣ сего вообразите сходку седми или восьми фрейлинь, чьихъ души крѣпко заняты любопытствомъ, или вѣрнѣе, сердечными вопросцами, а нервы напряжены и взволнованы токомъ *общежизненныхъ сущностей*; вообразите ихъ у Шотландскихъ ногъ Юма—этого электромагнитнаго автомата, который дѣйствительно никого не обманываетъ, будучи невольнымъ

протокомъ этихъ же самыхъ сущностей; представьте себѣ сочетаніе столькихъ струй эфирно-магнитныхъ, произведенное силою столькихъ волей; припомните, что земля вмѣстѣ съ солнцемъ теперь проходитъ такія пространства неба, въ которыхъ она прежде не была, и слѣдовательно Теллюрическая сила ея дѣйствуетъ въ насъ не такъ какъ, въ предкахъ нашихъ, утончая наши тѣла и приготавливая ихъ къ одухотворенію: наконецъ сознайте, что всѣ мы задаемъ себѣ вопросы о такихъ предметахъ, которые не выходятъ изъ круга нашего мышленія и вѣдѣнія, и что почти въ каждомъ вопросѣ заключается и отвѣтъ его; вообразите, представьте, припомните и сознайте все это:—и вы поймете воздѣйствіе Юма на фрейлинъ и диковинную игру его съ ними въ вопросы и отвѣты подъ стукъ деревяннаго стола. Кто щекочетъ ихъ? Лѣшій? да онъ живетъ въ лѣсу, а не въ столицѣ. Кто пожимаетъ ихъ нѣжныя ручки? Ангелъ Хранитель? Архангелъ Михаилъ? Да этого не скажетъ и бессмысленный столъ Юма, и если бы сказалъ, то не повѣрять фрейлины; зная, что ангелы посылаются на служеніе *хотящимъ наследовать спасеніе*, а не усадьбу дѣда, или тетки, о смерти которыхъ спрашивается дерево. Ихъ щекочетъ и пожимаетъ вліяніе Юмова электромагнетизма, подобно тому какъ извѣстныя состоянія атмосферы повышаютъ, или понижаютъ ртуть, ослабляютъ или подкрѣпляютъ слабонервныхъ. Но почему воздѣйствія этого Шотландца такъ разны? потому что у фрейлинъ неодинаковы нервы и не одинаковъ токъ въ нихъ животрепещущихъ сущностей. А какія и чьи силы колеблютъ столъ? силы воли и магнитныхъ токовъ Юма и совопросницъ. Отъ чего же столъ стучитъ при произношеніи именно тѣхъ буквъ, изъ которыхъ слагается отвѣтъ на вопросъ? Вотъ отъ чего? Та душа, которая задаетъ себѣ вопросъ, *силы себѣ тайкомъ и отвѣчаетъ*, вѣрно, или гадательно, и *напередъ зная отвѣтъ*, сама тайкомъ волнуется при произношеніи нужныхъ ей буквъ, и силою смысловой воли и токомъ своего магнетизма невидимо колеблетъ намагнитизированный сообща столъ, колеблетъ непремѣнно въ минуты произношенія этихъ буквъ. Но правда ли то, что кто спрашиваетъ Юмовъ столъ, тотъ самъ себѣ и отвѣчаетъ вѣрно, или гадательно? Такую правду я дозналъ собственнымъ опытомъ. Однажды въ Іерусалимѣ (передъ отъѣздомъ въ Россію) захотѣлось мнѣ уяснить себѣ

тайну движенія столовъ и отвѣтовъ ихъ. Я позвалъ въ горницу студентовъ и домочадцевъ своихъ, и велѣлъ имъ положить руки на круглый столъ, какъ слѣдовало, а самъ сталъ поодаль отъ нихъ, и устремилъ все вниманіе свое на этотъ столъ. Нашъ общій Электромагнетизмъ проникъ и пропиталъ его. Столъ тронулся, началъ вертѣться и вертѣть молодежь моихъ. Тогда мнѣ стало страшно. Однако я не оробѣлъ и сурово сказалъ столу: стой и скажи, — сколько мнѣ лѣтъ отъ роду? Столъ остановился подъ руками молодежь, приподнялъ ножку и мѣрно отстукалъ 49 разъ. Точно мнѣ тогда было 49 лѣтъ. Я тотчасъ понялъ, что душа моя, *узнавшая лѣта моей жизни*, силою своей воли взволновала и какъ бы осмыслила *соприсущій ей магнетическій токъ*, и этимъ токомъ приподняла ножку стола 49 разъ. Итакъ на дѣлѣ оказалось, что я самъ себя спросилъ, самъ себѣ и отвѣтилъ, только необыкновенно новымъ способомъ, посредствомъ пропитаннаго магнетизмомъ дерева. Послѣ этого вопроса былъ предложенъ мною другой: возвращусь ли я въ Іерусалимъ, и — послѣ сколькихъ лѣтъ? Столъ отстукалъ три раза, потому что самъ я сильно желалъ возвратиться въ св. градъ и предполагалъ, что война и путешествія мои въ Россію, и обратно, продолжатся не долге. Однако въ послѣдствіи оказалось, что отвѣтъ стола былъ невѣренъ, потому что *было невярно предположеніе души моей*. Вотъ что я дѣлалъ и испыталъ! А что было со мною, то дѣлается и съ другими. Всѣ души, у Юмова стола, отвѣчаютъ сами себѣ, и убѣждаютъ, или обольщаютъ сами себя. Никакихъ посредниковъ между ними нѣтъ. Хотите ли повѣрить это? Пусть ктонибудь въ присутствіи Юма предложитъ слѣдующій вопросъ: какъ зовутъ игумновъ Метеорскихъ монастырей? Будьте увѣрены, что послѣ этого вопроса столъ его станетъ въ тупикъ, хотя бы сто разъ прочитали азбуку, или напишетъ ложные отвѣты, потому что никто не знаетъ про эти монастыри, и не вѣдаетъ именъ настоятелей ихъ, не вѣдаю и я ѣдущій туда.—Ничья душа не можетъ дѣльно отвѣчать на то, чего не знаетъ и о чемъ не думаетъ и не гадаетъ. Никакой Юмъ не скажетъ вѣрно: сколько овецъ и козъ родилось нонче въ Синайской долинѣ Ель-Лябузъ; кто нынче старостою въ Виолеемѣ Іудейскомъ; что приходить на южномъ полюсѣ въ тѣ часы, когда на нашемъ бываетъ сѣверное сіяніе, какой

Евагріій писалъ ту физику, которую я читалъ въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, и пр. пр. А если кто съ помощью стола станетъ отвѣчать на такіе вопросы; то отвѣты его будутъ невѣрны, ложны, въ родѣ тѣхъ сновъ, которые душа порождаетъ въ насмѣшку надъ своими же мечтами, или страстишками. Наоборотъ, дадутся вѣрные, или хотя приближенные къ истинѣ отвѣты на такіе напр. вопросы: выздоровѣетъ ли Эдитта? Выйдетъ ли замужъ Сталь, и когда именно? Смѣнятъ ли госпожу Бакунину? Любить ли меня такой то графъ? Прилично ли царю устроить кузницу подлѣ тронной залы? Пристойно ли Великой Княгинѣ напускать въ свой дворецъ башмачницъ, пряжъ и швей? Не заразятся ли отъ нихъ часоткою чистенькія фрейлины? На такіе и подобные вопросы душа съумѣетъ кое какъ отвѣчать, *осмысливъ свой магнитный токъ*. Когда возражать Вамъ, что столъ Юма лишеть такія слова, коихъ не знала совопросница: отвѣтайте, что эти слова были извѣстны ей изъ книгъ, или изъ разговоровъ, но давно забыты, а теперь воскрешены памятью, которая на страшномъ судѣ дастъ отчетъ за всякое праздное слово.

Итакъ не совѣтую Вамъ ѣздить туда, гдѣ бываетъ Юмъ. Лучше пусть пожметъ Вамъ руку Маша, которая въ извѣстномъ Вамъ сновидѣніи моемъ дала *мнѣ* почувствовать, что я гнѣивъ молиться. Лучше, пусть поцекочетъ Васъ горничная дѣвушка, или женихъ предъ свадьбою. А самой спрашивать Юмовъ столъ кое о чемъ полуизвѣстномъ, или сердечномъ, и самой же отвѣчать съ помощью своей же магнитной сущности, значило бы дурачить себя самую и ловить свои грезы и думы, добро бы въ своемъ теремѣ, а то подъ столомъ нездорового Шотландца. И что за охота заражаться болѣзнью его, т. е. насильственнымъ раздвоеніемъ души? Не для заразы этой, и не для любопытства надлежало бы Вамъ призывать Юма въ чертоги, а для того, чтобы уврачевать его. Но кто изъ васъ силенъ подать ему здравіе? Не теряйте же времени, ловя грезы, или думы свои подъ столомъ Юма: а лучше употребите его, усѣвшись за письменный столъ свой и отвѣтивъ мнѣ на это посланіе.

22 Марта.

Пройдутъ еще девять дней; и я отправлюсь изъ Солуны въ Метеорскіе монастыри. Говорятъ, что они построены на

столпообразныхъ утесахъ, отдѣльно высящихся среди поля, и что туда всѣхъ поднимаютъ въ сѣтяхъ. Полечу туда орлинымъ полетомъ. Любопытно и пріятно увидѣть новое небо, новыя горы и доли и эти диковинныя обитатели. Смертельно хочется, хоть нѣсколько разъ въ жизни, подобно птичкѣ трепетать въ сѣткѣ, которую будутъ втаскивать на высоты, измѣряемая 30 и 40 саженьми, и въ то же время молиться Святому Крѣпкому.

Прощай моя родная! Прощай лилія! Прощай мой другъ! Въ дни Пасхи я буду молиться о тебѣ и Машѣ, о Еленѣ и Екатеринѣ, о Константинѣ и Маріи на высотахъ Межегорскихъ, гдѣ еще никогда не были возносимы въ молитвахъ эти приснопамятныя мнѣ имена.

Послѣ богомолья въ Метеорахъ я заѣду въ Олимпійскій монастырь. Если обстоятельства позволятъ мнѣ видѣть древнюю обитель, полюбоваться красотами Темпейской долины, и взойти на вершину Фессалійскаго Олимпа, гдѣ уже не дуютъ вѣтры и не сглаживаютъ завѣтныхъ словъ, кои благочестивый и отважный путникъ чертитъ тамъ на жертвенномъ пеплѣ.

А. Порфиритъ.

P. S. Mais Nature noble, et genereuse travaille beaucoup pour l'Etat et peu pour l'Église. S'est son défant. La plus grande partie des nos paÿsans affranchis s'uniront avec nos schismatiques si nos dieux couronnés et mitrés ne les retiennent pas dans le giron de notre Église, en organisant les missions intérieures et en établissant des évêches dans les lieux districts (въ уѣздн. городахъ). Un danger grand menace notre Église. Elle sera bien tôt divisée en deux camps, si l'on continue de touler aux pieds beaucoup de canons des Conciles oecuméniques, dont la sainteté est trop vénérée de notre peuple pieux et cetera... ¹).

¹) P. S. Но природа великородная и благодушная работаетъ много для государства и мало для Церкви. Это ея недостатокъ. Самая большая часть нашихъ освобожденныхъ крестьянъ соединится съ нашими схизматиками, если наши боги, украшенные вѣщами и митрами, не удержатъ ихъ въ лонѣ нашей Церкви, организуя внутреннія миссіи и учреждая епископства въ уѣздныхъ городахъ. Великая опасность угрожаетъ нашей Церкви. Она скоро раздѣлится на два лагеря, если будутъ попираеть многіе каноны вселенскихъ соборовъ, святость которыхъ слишкомъ почитается нашимъ благочестивымъ народомъ и пр.

1859 г. 28 октября. Руссикъ.

Другъ мой!

Я виновать предъ Вами въ томъ, что очень долго томилъ Васъ ожиданіемъ писемъ моихъ съ Востока. Простите меня великодушно. Не строгость отшельничества на Аѳонѣ, гдѣ не забываются ни родные, ни дружескіе цвѣты, не напряженность занятій, отъ которыхъ всегда можно удѣлить часокъ на задушевную бесѣду съ другомъ, не какое нибудь охлажденіе въ душѣ, порождаемое временемъ, были причиною долговременнаго молчанія моего. Нѣтъ! Я не говорилъ съ вами, потому что сильно страдалъ душою подъ тяжкимъ гнетомъ злой судьбы, съ которою, какъ мнѣ думалось, всѣ въ заговорѣ противъ меня, и потому что одичалъ, поддавшись искушенію кручины, которая въ памяти моей то заслоняла Васъ, какъ туча, то выставляла съ отразившеюся на душѣ Вашей тѣнью туманныхъ мнѣній о мнѣ тѣхъ не очень праведныхъ душъ, кои не любятъ меня. Одичаніе есть большой грѣхъ. Каюсь въ немъ. Примите раскаяніе мое и выслушайте слово о неповинныхъ страданіяхъ моихъ здѣсь. Отъ того мнѣ будетъ легче.

На Востокъ мнѣ задано дѣло многосложное и важное. Я исполняю его съ жаромъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, неутомимо, напряженно, разумно, одолевая страхи отъ землетрясеній, кои уже 17 разъ колебали Аѳонъ въ бытность мою здѣсь. Всѣ здѣшніе старцы удивлены моимъ терпѣніемъ и силою Божіею, которая совершается въ моей немощи. А у Васъ, въ Петербургѣ, чѣмъ оплачиваютъ мнѣ за вѣрную и усердную службу мою. Слушайте, чѣмъ.

Предъ отъѣздомъ на Востокъ мнѣ, *безъ просьбы моей*, пожаловали 1500 р. на издержки туда и обратно въ теченіи одного года, а посланному со мной семинаристу дали 750 руб. Оба мы были довольны этою милостію. Но за границею скоро оказалось, что намъ неостанетъ этихъ денегъ на годъ по причинѣ дороговизны во всемъ. Тогда я для своего товарища попросилъ золота на обратный путь его въ Россію. Ему вновь дали малую толику, а мнѣ не прислали ни копѣйки, между тѣмъ какъ онъ издержалъ сотни, а я тысячи (свои). Не обидно ли это? Правда я не просилъ себѣ пособія, но *и безъ просьбы моей* надлежало дать его по дѣловому такту, по простому силлогизму: „вѣдь, что дорого для семи-

нариста, то не дешево для архимандрита“. Гдѣ же Логика? И не тяжело ли зависѣть отъ людей, которые священствуютъ безъ философіи, съ однимъ Оберъ-Прокуроромъ?

Властямъ угодно было отстрочить пребываніе мое съ семинаристомъ за границею на пять мѣсяцевъ. И вотъ, на это время ему зачислили и прислали ту малую толику, о которой сказалъ я выше: а мнѣ не пожаловали ни полушки, какъ будто я питаюсь воздухомъ и путешествую на лучахъ солнца. Не обидно ли это?

Въ послѣдствіи оказалось, что въ Петербургѣ безъ спроса приписали меня къ фотографической фабрикѣ Г. Севастьянова съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ изъ данныхъ ему 16000 р. *удѣлилъ* (слушайте оффиціальное выраженіе) *удѣлилъ* мнѣ 1000 руб. За такіе труды, какихъ не кончитъ и въ три года, и вотъ такъ обезпечили—было мое содержаніе на время пятимѣсячной отстрочки и отдаленной поѣздки моей до С.-Петербурга. Но я не принялъ этой чернорабочей платы, чувствуя, что мнѣ неприлично быть наемнымъ батракомъ у превосходительнаго, но непревосходнаго художника, и предвидя, что онъ обвинитъ меня въ безуспѣшности, или безполезности своего предпріятія. Такой отказъ мой, вѣроятно, не понравился властямъ. Однако я добросовѣстно исполнялъ данное имъ, еще предъ выѣздомъ за границу, обѣщаніе безмездно помогать Севастьянову своими совѣтами и познаніями, и охотно передаю ему все, что только узнаю здѣсь по части древностей. Итакъ совѣсть моя чиста. Но я голоденъ и холоденъ.

Изъ Петербурга за Севастьянова замолвили доброе слово священной Общинѣ, управляющей Аѳонскими монастырями, а о мнѣ и не упомянули. Не обидно ли это? Я просилъ кого надобно, исходатайствовать мнѣ *поручительное* письмо царградскаго Патріарха къ помянутой Общинѣ. Но, какъ на смѣхъ, онъ прислалъ сюда письмо *гостительное*, прося святогорцевъ подчивать меня, какъ почетнаго поклонника. А это ли мнѣ нужно? Однако и безъ помощи Князей, на которыхъ Богъ не велѣлъ надѣяться, я достигаю здѣсь своихъ цѣлей, потому что мой Ангелъ Хранитель прежде меня является въ каждый монастырь и говоритъ о мнѣ доброе слово душамъ преподобнымъ.

Я просилъ, кого надобно, исходатайствовать мнѣ Всемило-

стивѣйшее дозволеніе ввести въ Одессу мою библіотеку, которою наша первая миссія въ Іерусалимѣ пользовалась въ теченіи шести лѣтъ, ввести мимо тамошняго цензурнаго Комитета. А мнѣ отвѣтили, что Министръ народнаго просвѣщенія не находитъ возможности допустить выдачу книгъ и даже рукописей моихъ безъ цензурнаго досмотра. Да кто же я? Герцень? Штраусъ? Вольтеръ? Индѣйскій Парія? Помилуйте, — я человекъ Божій и народный, я вѣрный сынъ Православной Церкви и вѣрный подданный Государя, помогавшій помянутой миссіи собственною библіотекою.

Я прошу, кого надобно, выслать мнѣ мое законное жалованіе и пенсію, но и того не могу дожидаться, какъ будто, кому то хочется, чтобы я застоналъ въ слухъ всего православнаго міра на Востокѣ. Но что будетъ, когда стонъ мой измѣнится тамъ въ рыканіе льва?

Я напоминаю, кому надобно, что свыше повелѣно дать мнѣ должность и что я не знаю, гдѣ преклонить главу свою, тогда какъ всѣ черви въ Россіи имѣютъ свои норки. А мнѣ отвѣчаютъ похвалами моимъ дарованіямъ и познаніямъ, какъ будто изъ нихъ я могу сшить палатку для кочеванія у воротъ Лавры, или Синода, и вдобавокъ говорятъ, что судьба моя требуетъ особыхъ соображеній. Вотъ до чего я дожилъ послѣ 30-лѣтней усердной и вѣрной службы Церкви!—до того, что о мнѣ начинаютъ думать! Посмотримъ, что придумаютъ.....

А свидѣнія мои зловѣщи. Предчувствія тревожны. Искуситель подстрекаетъ меня къ *громогласному* мщенію.....

Отче нашъ! Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

А. П.

1859 г. 30 окт. Руссикъ.

Другъ мой!

До настоящаго дня погода на святой горѣ была прекрасная, майская, розы цвѣли, яблони дали второй плодъ, разумѣется, тощій; море было такъ неподвижно и такъ прозрачно, что казалось зеркаломъ, въ которомъ отражались кудри деревъ, ребра скалъ и радужныя мерцанія вечерняго свѣта.

А теперь небо покрыто сѣрыми тучами; крупный дождь льется будто изъ ведра; порывистый вѣтеръ потрясаетъ мою полувисячую келію. Бѣлые зайчики бѣгаютъ по морю. Часы

отзваниваютъ полдень. Я пересматриваю Ваши письма. Нѣтъ одного изъ нихъ подъ № 4. Гдѣ оно? Кто смѣлъ затаять его? Какой дурень потерялъ его? Что въ немъ было сказано душѣ моей?

А письма .подъ № 5 и 6 доставлены мнѣ. Что Вамъ за охота писать на бумагѣ желтой? Я и безъ этого цвѣтнаго знака вѣрю въ постоянство Вашей дружбы. Но о вкусахъ спорить не должно. Лучше отвѣчать на письма.

Васъ и Вашихъ друзей очаровали отрывки изъ бесѣды патріарха Фотія. Это неудивительно. А вотъ что дивно! Я послалъ эти же отрывки къ граф. Тол... и просилъ его передать въ нашу Академію наукъ, въ полной надеждѣ, что она напечатаетъ ихъ. Но не тутъ-то было. Чтожъ бы это значило? Ужели въ столицѣ испугались славы своихъ предковъ? Но, кажется, мы не плѣнники Наполеона, и не пажіи Викторіи. Знать мнѣ во всемъ неудача! Мнѣ! О, если бы пріятель Грима Саксонскій профессоръ Тишендорфъ отыскалъ намъ два перла Фотія; то во всѣ трубы Карла Великаго, Витекинда и Бирона протрубили бы: Gloria in excelsis Tischendorfio! Слава въ вышнихъ Тиспендорфу! А о моеи удачѣ пошептали лишь одни ландыши, фіалки, розы и лиліи подъ крылышками Ангела милосердія. Но и то хорошо.

Отъ кн. Одоев. я не получалъ не строки. Трудно ему понять теорію Греч. пѣнія безъ руководителей, рисунковъ и нотъ. Напр: что онъ могъ бы представить въ умѣ своемъ, когда бы услышалъ, что строй Греч. нотъ иногда походить на поворотъ колеса? Спросите его, что такое Греческія пнѣвмы, фтора, плаіосъ, трохосъ, тереремъ, ненненá. Вѣроятно онъ замолчитъ. А тутъ кроются тайна и сладость Греческаго церковнаго пѣнія. Богъ дастъ увидимся въ Рамбовѣ, либо въ хмелевой бесѣдкѣ, либо на островкѣ Буянѣ, только не на океанѣ, и тогда потолкуемъ о философіи въ звукахъ, развѣ суровый дѣдушка опять запретитъ мнѣ бывать тамъ у Ангела милосердія.

Всѣхъ васъ занимала выставка г. Севастьянова. Но скажите, что вы видѣли? Огрызки древностей? безцвѣтные очерки образовъ? Коихъ годы и вѣка неизвѣстны? Славный же у Васъ вкусъ! Но о вкусахъ спорить не должно. На картинахъ всякому свое нравится, кому коза съ медвѣдемъ. кому Рафаелева мадонна, а иному фотографическій оттискъ

безобразнѣйшаго Молдавскаго переплета Евангелія Іоанна Кушинка. Вотъ теперь ожидайте отъ Севаст. чудныхъ произведеній его фабрики; только меня не зовите на судъ. Я предпочелъ бы молиться,—*Господи не введи въ судъ съ рабомъ Твоимъ*—и кому-нибудь другому предоставилъ бы притворными похвалами заглушать чье либо раскаяніе въ маловажности трудовъ, за кои впередъ дана большая сумма денегъ.

Г. Мансурову мое почтеніе, даромъ что онъ не отвѣчаетъ мнѣ ни на одно письмо. Не понимаю, въ чемъ я провинился предъ нимъ. Ужели въ томъ, что защищаю пустынную безмятежность святогорцевъ отъ шумныхъ паровъ, и указываю якорныя стоянки для нашихъ пароходовъ въ отдаленныхъ, но удобныхъ пристаняхъ, у острова Мульяни и подлѣ Плати-Франколимѣна? Ужели въ томъ, что не желаю обратить Русикъ въ складочную клѣть и въ даровую харчевню? Ужели въ томъ, что отъ неблазненнаго Аѳона отклоняю дерзкихъ русалокъ, прибывающихъ сюда на парахъ? Вольно же ему придавать вѣсь мнѣніямъ моимъ, или воображать, что вооружаю святогорцевъ противъ нашего пароходнаго общества. тогда какъ они и не спрашиваютъ меня о намѣреніяхъ его, видя во мнѣ не коммерціи совѣтника, а ученаго архимандрита. Богъ съ нимъ!

Поговоривъ съ Мансуровымъ, Вы совѣтуете мнѣ быть осторожнымъ и снисходительнымъ къ требованіямъ... Ахъ! и Вы противъ меня!—не зная, что я даромъ отдаю всего себя и все свое Тому, о Которомъ сказано мнѣ, будто онъ желаетъ поставить свѣтильникъ мой въ Севастополѣ. Не умѣю быть болѣе снисходительнымъ къ требованіямъ... и отталкивающимъ меня отъ священнослуженія въ Россіи говорю: „поставьте меня въ келіѣ моей и не ходите ко мнѣ, пока у меня гоститъ самъ Богъ“. Эти прикровенныя рѣчи мои, можетъ быть, непонятны Вамъ. Итакъ когда увидимся, тогда разгадаемъ загадки, а пока будемъ вѣрить въ правоту душъ, страдающихъ неповинно.

Книга, le Raskol. Paris 1859 не доходила до меня. Вы знаете недостатки ея. А я, не читавъ ее, полагаю, что въ ней столько же вѣсу, сколько и въ книгахъ Муравьева, митрополита Григорія, Епископа Макарія и архимандрита Іоанна о расколѣ, и скажу Вамъ на отрѣзъ, что сущую правду о раздвоеніи

нашей Церкви и о виновникахъ сего зла можно узнать только отъ такого человѣка, у котораго много очей, видящихъ глубокія тайны, который говоритъ и пишетъ, не имѣя въ виду ни чина, ни ордена, ни награды, ни славы, и который *береть подъ свою защиту невинно гонимыхъ*, выпуская своихъ ястребовъ и соколовъ, т. е. улики, упреки и пропію на честолюбивыхъ полуневѣждъ и преосвященныхъ..... не умѣющихъ сростить расколовшееся величественное дерево. Кто этотъ человѣкъ, и гдѣ онъ? Призовите его и выслушайте правдивое, но грозное слово его. Онъ живъ, но далеко негдѣ ищетъ многоцѣнныхъ жемчужинъ, терпя голодъ и холодъ, не зная привѣта сильныхъ земли и никогда не испытавъ, какъ они дружески жмутъ кому руки.

Думаю, что это письмо мое не очень утомило Ваше вниманіе. Но самъ-то я утомился. Бросаю перо, начертавъ свой обычный привѣтъ Вамъ.

Цвѣтите на радость многимъ.

Благословеніе Господне на Васъ!

А. П.

Р. S. Въ прошломъ мѣсяцѣ Іюль я видѣлъ Васъ въ черномъ одѣяніи. Чтобъ это значило?

Живы ли и здоровы ли Панна Анна и наша Маша?

